

Голодухой расплывался девятнадцатый год по городам. Вся надежда — на деревню.

Лом с Клашкой отправились с продотрядом: городу помочь, самим подкормиться.

Но налетела бандочка Вьюна. Не успели опомниться, а уже с боем отошел отряд питерских пролетариев, отбиваясь от контрреволюционной нечисти.

Лом и Клашка, отставшие от своих во время налета, задержались в деревне.

Деревня молчала.

Затыкающая уши и раздирающая рты жара ушла.

Тише шли коровы.

Ни ветерка.

Вышел Лом на обочину и поперхнулся.

Было — «Деревня Молчановка». А теперь на шесте — «Владения Бесенятские».

Сплюнул Лом, занес руку перекреститься, да опомнился.

Красноармеец я али гад? В нечистую силу верить? Нет ее.

В памяти плакат: «Религия — опиум для народа».

Но посинело вдруг.

Синева вместо палящего неба.

Удивился Лом: рано вечеру-то.

А тут еще выскочил черный, с подпалинкой бес.

Выскочил, уставился.

Бес?

Ага.

Откуда?

Отсюда. Из сказки о попе и работнике Балде.

Пушкин, что ль ее написал?

Он самый, Сан Сергеич, царство ему... Отмахнулся, как от комара.

Но-но, ты мне без религии! И вообще, какая к черту чертовщина? Революция не про вас, что ли?

Захихикал бес, присел, хвостиком ножку обвил.

Дурак ты, Лом! (Ишь ты, и меня уже знает!) Мы же из сказок. Новых сказок не написали, вот и приходится старым сказкам приспособливаться, в ногу со временем идти.

Врешь!

Ни.

Тогда валяй. Сам-то за кого будешь?

Я-то? Я — за белых.

Взял беса на мушку.

Шучу, шучу, Лом! Белые нас, ух! Как не любят. Прячься, дурак, белый разезд.

Швырнул Лома за плетень, плюнул — и пропал.

Синело.

Белые. Треск дверей.

Клашка потянулась наганом.

Положь, — шепнул Лом и вытащил свой «веблей» из дыры в штанах.

Застучала Клашка зубами, словно «ундервуд».

Стерва! — рванулся Лом. — Услышат!

Мимо, мимо, как сквозь стены пусть идут, — просит беса Лом.

Тут же себя за губу — в нечистую силу верить? Нет ее.

Сволочи, — дрожала Клашка.

Было сине. Ветер шарил в глазах слезою. Вечер ширился, распухал, как голод.

Идут. Затопали. Солдат шарил штыком в темноте, но войти боялся. Офицер (сверкнул погон) вошел в дом и стрельнул. Вышел.

Лом замер, но офицер сквозь стену прошел. Со всем темно стало.

Ушли.

Заворочались камни под сапогами.

Чудеса.

Клашка облегченно выдохнула кусок темной синевы. В глазах у нее еще синело.

Лом повернулся на скрип и увидел хвост.

Ты чей же будешь?

Хвост дернулся. Вылез черт, другой, не тот, что был, рыжий. Глаза грустные.

— Еще один! Прячешься?

Кивнул.

Ты какой же черт: красный или белый?

Черт махнул хвостом.

Интернационалист, значит.

Черт был не стар. Кивнул на Клашку — вопрос.

Нет, сестренка.

Ухмыльнулся бес. Откуда-то вытащил бутылку, большую и желтую.

Разлили.

Плохо пошло.

Черт тут же стукнул Лома под лопатки — аж вывернуло.

Выпил воды.

С нами? утром пойдем.

Утро просквозило.

Черт нес узелок с колодой карт и лампой.

Дорога на Низовск — кочки да бочки, грязь затвердевшая. Валялись гильзы и дырявая подошва.

В Низовске было сто три красногвардейца с сорока винтовками, ЧК и комиссар.

Со стороны Ирпеня на Низовск полз штабс-капитан Ершиков с отрядом в триста сабель, а по Московскому тракту прыгали на своих откормленных жеребцах батки Хмель, Вьюн, Лук, Чеснок и Зашибеев. До самого Воронежа доходили батки, но неизменно возвращались к родному Низовску.

Лом, Клашка и черт явились к председателю ЧК.

Порядок, браток! — выплюнул тот, прижимая бумаги Лома ящиком. — А этого куда? — махнул на черта.

Черт вытащил из шерсти наган.

Ну, ты, на баке, не балуй! Пойдешь помощником к начтюрмы. Ну, и нечисть, — ухмыльнулся на всю тельняшку.

Браток! — заорал Лому. — Ты чуешь? Это же чистый Ренессанс! Чертей под ружье! У нас сто три бойца! Всех чертей Республики! Браток, ты — герой!

Комиссар. Потная гимнастерка.

Не ори. Это же все суеверия, нет их, чертей.

Черт брыкнулся.

Ну и что? Мистика, гипноз по-научному.

Иван! Хрен с ней, с мистикой! Наша мистика, а не буржуйская. Верно, браток? Плевать нам, пусть буржуи своих буржуют нечистой силой пугают, а мы ее — на службу Революции! Понял?

Засмеялся комиссар. А вдруг?

А кто сказал, что чудес не бывает?

Батки Хмель, Вьюн, Лук, Чеснок и Зашибеев на своих откормленных жеребцах скакали вокруг города. Штабс-капитан Ершиков со своим отрядом в триста сабель полз от Ирпеня.

Город окружали.

Первым и единственным снарядам низовского

гарнизона были накрыты съехавшиеся батки Хмель, Вьюн, Лук, Чеснок и Зашибеев, а также полевая кухня и телега со старыми портянками.

После этого началась стрельба.

Лом в ЧК пускал контру в расход. Привык в Питерской ЧК.

Клашка подтаскивала патроны. Привыкла. С октября семнадцатого.

Черт вызывал на помощь сородичей. Привык. Со времен Ник.Вас. Гоголя.

Бой длился уже больше часа. Все теснее сжималось кольцо белых и бандитов. Казалось, ничем не остановить. Но посинело вдруг.

Ухнуло что-то, захандокало, заербило, громыхнуло, и вся нечистая сила бросилась на белых.

Из трущоб,

пропастей,

из расщелин —

речные,

луговые, озерные,

черти и чертенята,

бесы и бесенята,

и совсем еще

маленькие бесеночки,

домовые и домихи,

гуменные,

листочьясы,

корневые,

дупляные,

моховые,

полевые,

чужаки,

наброжие,

облом,

костолом,

кожедер,

тяжкун,

шатун,

хищник,

лядашник,

голохвост,

ярун,

шпыня,

куреха,

шандырь-шептун и шептуха —

разом навалились на врага и погнало далеко-далеко.

И был только слышен их свист за семижды семь перевертов.

Выбежала Клашка.

Толпа бойцов беса ржавого качает.

Лом. Башка в тряпку замотана.

Ну, чего ревешь, дуреха, живой я, его благодари, — на черта показывает.

Комиссар на крыльце. Потная гимнастерка.

Нет, не верю. Нет ее, нечистой силы, мистика это все, гипноз по-научному.

А наутро в реввоенсовет поскакал с пакетом гонец.

А в пакете была бумага, где написано про тот героический бой низовского гарнизона.

А в бумаге ревком от имени всех ста трех бойцов с сорока винтовками просил наградить Беса Ржаво-

го Орденом Мировой Пролетарской Революции — Красным Знаменем, потому, что ежели бы не он, бесржавый, порубали бы в Низовске Советскую власть. А ежели нельзя наградить его Орденом, то пускай реввоенсовет наградит его именным оружием или часами.

Но в реввоенсовете товарищ Троцкий сказал, что нельзя награждать нечистую силу ни оружием, ни часами, потому что нет ее, нечистой силы.

Гипноз это все, мистика по-научному.